

СТАТИИ / СТАТЬИ / ARTICLES

*Алина С. Алексеева, Алексей А. Гуппиус,
Савва М. Михеев (Москва, Россия)*

ВОЗВРАЩАЯСЬ К АМУЛЕТУ ИЗ ОРЕШАКА: ЧТО ГОВОРИЛА
ВЕШТИЦА?*

Молитва против вештицы, как принято называть южнославянские тексты о победе архангела Михаила над ведьмой-демоницей, является одним из вариантов Сисиниевой легенды, распространенной в письменных и устных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы и пришедшей на славянский юг из греко-византийской традиции. Вне зависимости от языка и народа ядром сюжета легенды является рассказ о борьбе архангела Михаила или св. Сисина против угрожающей младенцам и их матерям демонницы – как следствие, эти тексты обычно используются в качестве защитного средства после родов.

Данная статья посвящена самому раннему славянскому списку Сисиниевой легенды – надписи на свинцовом амулете из окрестностей села Орешак (северо-восточная Болгария, область Варны), которая фиксирует один из двух видов сюжета, т.н. Михаил-тип. Приведем его краткое описание, составленное Т. А. Агапкиной: „Архангел Михаил (редко святой Сисин), спускаясь с горы Сион или Елеонской горы, встречает вештицу с длинными, до земли волосами, огненными глазами и руками по локоть в крови. На вопрос, кто она, откуда и куда идет, вештица объясняет, что она проникает в дома людей по ночам под видом животных, душит детей, вынуждает их плакать, отбирает молоко у их матерей, губит плодовые деревья и т.д. Когда Дева Мария родила Христа, вештица пыталась погубить Марию или Христа. Однако архангел Михаил, увидев вештицу, заковал и

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-312-90061. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90061.

избил ее, заставив поклясться, что она не будет вредить дому и обитающим в нем людям, если в нем будут храниться ее имена. Вештица называет свои имена, архангел Михаил проклинает ее, отпускает или бросает в море“ (Агапкина 2017: 374).

Впервые интересующая нас надпись, оригинал которой хранится сейчас в Археологическом музее Варны (инв. № IV 3521), была опубликована с переводом на немецкий язык и фотографиями обеих сторон амулета в (Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 118–119), а в 2002 г. в отдельной статье об амулете К. Попконстантинова появилось еще одно издание, с исправлением отдельных чтений (Попконстантинов 2002). Шестью годами позднее текст был еще раз опубликован – без изменений – в (Попконстантинов 2008), но уже с новыми, более качественными фотографиями двух сторон амулета¹.

Свинцовая пластина 10 × 2,6 см, найденная в свернутом виде², содержит по три строки кириллического текста на каждой из сторон (высота букв от 0,2 до 0,7 см). В табл. 1–2 приведены оба варианта прочтения³:

Таблица 1. Чтение и перевод надписи на амулете из Орешака по изданию 1994 г.

Recto	Verso
<p>ГЛАГОЛА ЖЕ ВЪЩИЦА ДРЪВЪ ПЛОДО ВНТЪ Н РЕЧЕ МНХАНЛЪ АРХИ[С]ТРАТН ГЪ АЩЕ МН НЕ ПОВЪЛН МЕНЪ СННЕН</p>	<p>МАМОНТЪ ПОСТНТНН КЛ[Ъ]ХЪ СЪ ЕМЪ Н РЕЧЕ МН ТАКО МН МНЛЪШ [ ] НЪ ВЬСОКІЪ А ВЪЩИЦА ВОВЪВ АМННЪ</p>
<p><i>Es redete die Hexe zum fruchtbaren Baum, und der Archistrategos (Erzengel) Michail sagte: Wenn du mir nicht befohlen hast (?)</i></p>	<p><i>den Reichtum fasten (?). Ich verfluchte ihn und er sagte mir, so du dich meiner erbarmst [ ] eine Hexe. In alle Ewigkeit. Amen.</i></p>

Таблица 2. Чтение Орешацкой надписи по изданиям 2002 и 2008 г.

Recto	Verso
<p>ГЛАГОЛА ЖЕ ВЪЩИЦА ДРЪВЪ ПЛОДО ВНТЪ Н РЕЧЕ МНХАНЛЪ АРХИСТРАТН ГЪ АЩЕ МН НЕ ПОВЪЛН МЕНЪ СННЕН</p>	<p>МАМОНТЪ Н. ПОСТНТНН КЛЪХЪ СЪ ЕМЪ Н РЕЧЕ МН ТАКО МН МНЛННТНЪ ВЬСОКІЪ А ВЪЩИЦА ВОВЪВ КАМННЪ</p>

¹ В изданиях отсутствуют прорисовки и комментарии к прочтениям надписи.

² Амулет был найден севернее Варны при случайных обстоятельствах. По данным издания 2002 г., место его находки располагалось между селами Климентово и Орешак, а по данным издания 2008 г. – между селами Долиште и Орешак. Издатели датировали амулет концом X – началом XI в. (в издании 1994 г.) или X в. (в статье 2008 г.), без обоснования этих датировок.

³ Приводим тексты с сохранением всех особенностей изданий.

Оба приведенных чтения изобилуют грамматически непрозрачными периодами и лишь фрагментарно соотносимы с другими известными списками Сисиниевой легенды, что заставляет сомневаться в точности воспроизведения текста. Уточнение прочтения надписи на амулете из Орешака важно и для исследования истории языка и письменности Первого Болгарского царства, и для изучения рукописной традиции Сисиниевой легенды.

Далее в нашей статье последовательно предлагаются поправки к определению буквенного состава надписи, разбираются графико-орфографические особенности текста, анализируется его смысл, дается новое прочтение и перевод, а также реконструкция протографа Орешацкого заговора.

Благодаря помощи А. Николова и М. Маноловой-Войковой в октябре 2021 г. нам удалось изучить Орешацкий амулет de visu и провести его фотофиксацию (см. илл. 1–2). Новое обращение к оригиналу позволило уточнить прочтение текста в многих пунктах.

В первой строке на лицевой стороне амулета читается $\Delta\rho\text{'}\text{ѳ}\text{в}\text{в}$, а не $\Delta\rho\text{'}\text{ѳ}\text{в}\text{ъ}$. Следующие буквы пл записаны лигатурно.

Слева от последней буквы первой строки, $\circ$, имеются лишние штрихи. Возможно, их появление вызвано тем, что автору надписи было неудобно писать на краю пластины.

Во второй строке следует читать $\text{мн}\text{х}\text{ан}\text{л}\text{ь}$, а не $\text{мн}\text{х}\text{ан}\text{л}\text{ъ}$. Ошибка издателей, вероятно, была вызвана тем, что над буквой ь находится низ петли буквы ѳ из слова $\Delta\rho\text{'}\text{ѳ}\text{в}\text{в}$. О начертании буквы л в слове $\text{мн}\text{х}\text{ан}\text{л}\text{ь}$ пойдет речь ниже, в конце данного раздела.

В конце второй строки вместо $\Delta\rho\text{х}\text{л}[\text{с}]\text{т}\text{р}\text{атн}$ или $\Delta\rho\text{хнст}\text{ратн}$ выступает $\Delta\rho\text{х}\text{л}\text{т}\text{ратн}$, с длинным титлом над буквами $\Delta\rho\text{х}\text{л}$ и без буквы с : здесь находится одно из мест сгиба свинцовой пластины, след от которого мог быть принят издателями за букву с .

В начале третьей строки читается не $\text{г}\text{ъ}$, как в изданиях 2000-х гг., а $\text{г}\text{ь}$, как в первом издании.

В середине третьей строки вместо $\text{п}\text{ов}\text{ѳ}\text{ан}$ стоит $\text{п}\text{ов}\text{ѳ}\text{н}$, с очень широкой буквой в и выносной буквой ѳ , вставленной уже после написания следующей буквы. Справа от ѳ , над н , находится наклонный (/ -образный) штрих. Возможно, автор надписи собирался написать здесь какую-то еще букву.

В начале первой строки на оборотной стороне амулета следует читать последовательность букв $\text{ма}\text{м}\text{ѳ}\text{т}\text{ж}\text{п}$, а не $\text{ма}\text{м}\text{ѳ}\text{нт}\text{ж}\text{п}$ (как в издании 1994 г.) или $\text{ма}\text{м}\text{ѳ}\text{нт}\text{ж}\text{н.п}$ (как в изданиях 2002 и 2008 гг.). Судя по тому, что буква $\circ$ полностью отсутствует на пластине, следует думать, что издатели транскрибировали текст не непосредственно по оригиналу амулета, а уже после ознакомления с ним, вероятно, по малочисленным и недостаточно качественным фотографиями. Ошибка в интерпретации следующей буквы (н вместо ь) была вызвана тем, что длинная левая вертикальная засечка

буквы т пересекает петлю предыдущей буквы (ь с высокой петлей), делая ее похожей на н. Что же касается места между ж и п, то эти буквы почти соприкасаются друг с другом. По этой причине мы полагаем, что чтение жн.п в изданиях 2000-х гг. является результатом опечатки.

А. А. Зализняк, изучавший амулет по фотографии в издании 1994 г., видел между т и п не ж, а редкую букву ж – так называемый „полый юс“ (Зализняк 1999: 562)⁴, однако здесь уверенно читается большой юс стандартного облика.

Между двумя следующими буквами, о и с, имеется короткий соединительный штрих, делающий букву о похожей на 8. Однако, о-образная основа обеих букв 8 на лицевой стороне амулета имеет существенно меньший размер и неровные очертания, в отличие от рассматриваемой аккуратной буквы о. При этом обе буквы 8 на лицевой стороне амулета имеют длинные v-образные усы.

Буква между н и к, прочитанная в изданиях как н, не отличается от большинства букв н в надписи (включая предыдущую букву): многие из них имеют перекадину с небольшим наклоном. У всех букв н, в отличие от н, диагональ доведена до низа правой вертикали (см., особенно, три буквы н в третьей строке лицевой стороны).

Далее в изданиях значится кл[ь]хъ (в издании 1994 г.) и кльхъ (в изданиях 2000-х гг.). Однако между л и х никакой буквы не стоит.

А. А. Зализняк по фотографии в издании 1994 г. читал ж вместо ж между с и є (Зализняк 1999: 562), однако в данной позиции читается большой юс с коротким средним штрихом. Как и у всех остальных юсов надписи, верхняя горизонталь данной буквы имеет выступ вправо; от этого выступа вниз и влево отходит дополнительный косой штрих, тянущийся на половину высоты буквы параллельно /-образному диагональному штриху большого юса. Мы полагаем, что данный дублирующий штрих не несет смысловой нагрузки и рассматриваемую букву следует интерпретировать как стандартный ж – юс большой.

В слове ємо на конце первой строки читается о, а не 8. Буква занимает всю высоту строки, в отличие от уменьшенной о-образной основы обеих букв 8 (в первой и второй строках на лицевой стороне амулета). Меньшая аккуратность исполнения рассматриваемой буквы объясняется неудобством начертания букв в конце строк (ср. искаженную лишними штрихами букву о в конце первой строки лицевой стороны).

В конце второй строки оборотной стороны амулета предлагали читать либо последовательность букв лньш[ ]нж (в издании 1994 г.), либо лннтнж (в изданиях 2000-х гг.). В начале этого отрезка выступает буква м в виде

---

⁴ Специально о графеме см.: Зализняк 1999: 561–562.

двух раздельно написанных л (более в надписи разомкнутое м не представлено, однако встречается в ранней славянской эпиграфике). Далее, как и в издании 1994 г., стоит диграф ь – то есть ы с перестановкой элементов, а после него – буквы шнх, с полым юсом на конце строки, прочтенным А. А. Зализняком (Зализняк 1999: 562). Между ш и н нет никаких иных букв⁵.

В начале третьей строки издатели читали вьсокиѡ (в издании 1994 г.) и вьсокиѡ (в изданиях 2000-х гг.), а А. А. Зализняк – вьсок, с йотированным полым юсом на конце (Зализняк 1999: 562). Если первые буквы точно переданы в работах 1990-х гг., то конечные знаки не были прочитаны верно: между к и стандартным большим юсом, уже после их написания, был вписан диграф ь.

В конце третьей строки в изданиях значится последовательность вѣвамнѣ (в статье 1994 г.) или вѣкамнѣ (в работах 2000-х гг.). На самом же деле здесь уверенно читаются буквы вѣвамнѣ. Последние две из них написаны тесно, с частичным нахлестом элементов (стесненное м в конце надписи контрастирует со свободным начертанием м между н и ь в предыдущей строке).

Конец текста, на который не обратили внимания издатели амулета, находится на свободном пространстве на лицевой стороне пластины, между первой и второй строками, под буквами жевѣцнцѡд и над буквами речѣмнѡх. Вверх ногами по отношению к остальному тексту здесь приписаны буквы ѡвнзѡа. Значительный пропуск между второй и третьей буквами приписки объясняется тянущимся здесь хвостом буквы ц. Первый знак, перед ѡ, читается не вполне уверенно. К нему, несомненно, относится вертикальный штрих между буквами д в первой строке и л во второй, но не ясно, относится ли к приписке верхний наклонный штрих. Если да, то первый знак является буквой г с сильно наклоненной „горизонталью“ (верхние штрихи всех остальных г строго горизонтальны) и без засечки (все три буквы г в основной части надписи имеют засечки, как и единственная буква в). Впрочем, большой наклон горизонтали от г может объясняться желанием разойтись с буквой л между х и н во второй строке основного текста на лицевой стороне амулета. Если же „горизонталь“ является покрытием (верхней протяженной горизонталью) буквы л (все остальные буквы л в надписи покрытий не имеют, но оно есть у обеих букв д и как минимум у одной из л, в самом начале надписи), то перед нами буква і или і-образный вертикальный разделитель.

Полный буквенный состав надписи на амулете представлен в табл. 3.

---

⁵ Таким образом, не подтверждается предложенное К. Попконстантиновым чтение мнаннтѣ, напоминающее имя сестры св. Сисина Мелентии из другого сюжетного типа Синиевой легенды.

Таблица 3. Новое чтение надписи на амулете из Орешака, без деления на слова

Recto	Verso
ГЛАГОЛАЖЕВѢЩНЦАДРЪВВ8ПЛОДО	МАМЪТѢПОСТНТННКАХЪСЖЕМО
ВНТ8НРЕУЕМНХАНЬА ^Г РХИТРАТН	НРЕУЕМНТАКОМНМНМЬШНЖ
ГЪЩЕМННЕПОВ ^Г НМЕНѢСННЕН	ВЬСОКЬѢАВѢЩНЦАВОВЬВАНМЬ
-ОВН301А	

Прежде чем обратиться к разбору текста, следует указать на графико-орфографические особенности надписи.

В ней представлена одноеревая одноюсовая орфография (только с ъ в роли <ъ> и <ь> и только с ѣ, с вариантом я, в роли <яж> и <я>, наравне с н используется графема і. Буква ю не используется – ср. ємо (v₁). В надписи засвидетельствованы диграфы ьь <ы> и ья <я>, оба в нестандартном начертании: с препозицией і в ьь и без соединительной горизонтали в ья⁶. Титло стоит только над несокращенным сакральным словом др̄хитратн̄гь (r₂₋₃) и отсутствует над всеми словами, которые были сокращены автором надписи (и над теми буквами, которые, возможно, выступают в числовом значении, о чем еще пойдет речь ниже).

Особую проблему представляет обозначение в надписи фонем /o/ и /u/. Если первая последовательно обозначается буквой о (6 раз, не считая неясного вобьванмь (v₃), то в соответствии с этимологическим /u/ в двух позициях находим ѡ (др̄ѡв8 плод̄овнт8 (r₁₋₂) и в двух – о (постнтн и ємо (v₁). Разрозненные написания с о вместо оу фиксируются в древнейших южнославянских рукописях, глаголических и кириллических, в значительном количестве и традиционно рассматриваются как ошибки писцов – случайные пропуски второго элемента диграфа (ср. Вайан 1952: 56; Кривко 2015: 32–33). То, что в надписи на амулете эта ошибка совершается в половине релевантных позиций, делает вполне вероятным, что смешение ѡ с о предусматривалось графической системой писавшего (ср. систематическое смешение ѡ с о и ѡ с є в „бытовой“ древнерусской орфографии). Положение усугубляется тем, что в соответствии с др̄ѡв8 плод̄овнт8 нашего памятника рукописные списки молитвы дают др̄ѡво плод̄овнто. В принципе, и это различие можно объяснить своеобразием графической системы амулета, смешивающей о с

⁶ Ср. нестандартный диграф ѡі, с соединительной горизонталью между ѡ и і, в роли ѡя на амулете с заговором от Нежита из села Одырцы (болг. Одырци) в Добричской области (Дончева, Попконстантинов 1994; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 111–116; Попконстантинов 2006: 100; Попконстантинов 2009: 342–343).

оу в обоих направлениях⁷. В этом случае приходится признать, что писец по-разному реализовал смешение графем на двух сторонах амулета: на лицевой стороне он дважды заменил о на ъ, а на оборотной дважды написал о вместо оу⁸. Однако трудно представить, чтобы замена о на ъ была случайно произведена именно в тех позициях, в которых в дательном падеже выступает <оу>; по всей вероятности, сочетание дꙋѣвѣ плодꙋвнѣ писец понимал как стоящее в дательном падеже.

Содержательный анализ текста Орешацкого амулета не может не базироваться на параллелях из рукописных списков Сисиниевой легенды, поэтому его уместно предварить кратким обзором южнославянской традиции памятника. В изданную недавно коллективную монографию о Сисиниевой легенде вошло исследование Т. А. Агапкиной, в котором подробно рассмотрены 18 из 21 известного южнославянского списка Михаил-типа (X–XIX вв.). Согласно Т. А. Агапкиной, южнославянские списки Михаил-типа образуют три группы-подредакции: основные группы А и С и переходную группу В, объединяющую черты текстов из двух других групп (Агапкина 2017: 382–393, 429). По классификации Т. А. Агапкиной заговор на Орешацком амулете входит в число списков подредакции А, к которой относятся еще пять списков: ХГА2 (XIV–XV вв.), НБКМ273 (XVII в.), НБС454 (XVIII в.), НАЗУ140 (кон. XVII в.) и Павл2 (ок. XVIII в.)⁹.

Сразу заметим, что если выделение групп А и С подтверждается многочисленными разночтениями (см. Агапкина 2017: 435–437), то статус группы В (2 списка: ИерП2 (XII в.) и СПД4 (третья четверть XIII в., сборник попа Драголя), напротив, сомнителен: комментарий Т. А. Агапкиной к эпизодам показывает, что эти списки близки группе С лишь наличием начального эпизода встречи двух персонажей (Агапкина 2017: 435), который в

---

⁷ Примеры взаимного смешения оу (ѡ) и ѡ. Е. Супрун и А. М. Молдован, приводят из памятников, относимых ими к „болгаро-македонскому изводу“ старославянского языка. К сожалению, исследователи не указывают, из каких рукописей приведены следующие примеры: възрадоуваанса <възрадовалиса>, растꙋнѣвъ <расточивъ>, на ного <на ногоу> (Супрун, Молдован 2005: 38). Несомненный случай замены о на оу имеется между тем в глаголическом заговоре на еще одном амулете из Археологического музея Варны: сꙋпоустата. Публикаторы амулета читают сꙋпоустата (Попконстантинов, Миклас 2009: 386), но на прориси после п видно бесспорное оу. С оу читает это слово и У. Федер (Veder 2016: 551).

⁸ Частичную аналогию такой смене графического принципа может представлять новгородская берестяная грамота № 854 (середина XII в.). В основном тексте этого документа имеет место графический эффект о → ѡ, тогда как в приписке, начинающейся в последней строке на лицевой стороны и переходящей на оборот, представлен эффект ѡ → о/ѡ (Зализняк 2004: 324).

⁹ Для удобства сопоставления с исследованием (Агапкина 2017) мы сохраняем введенные в нем сокращенные обозначения рукописных источников. Для нашего амулета в работе Т. А. Агапкиной используется сигла *ПонКр*.

списках группы А отсутствует. Последнее обстоятельство, однако, вполне может объясняться вторичным усечением начала текста в архетипе группы А: общая композиция с начальным эпизодом гораздо логичнее, и именно так открывается греческий текст молитвы.

С точки зрения внутреннего состава эпизодов есть все основания объединять списки ИерП2 и СПД4 с группой А. К этой же группе, по нашему мнению, относится и список из двуязычной рукописи (тексты на славянском и румынском языках) Хаш281, который ввиду своей фрагментарности условно обозначен Т. А. Агапкиной как близкий к группе С (Агапкина 2017: 435).

Группа А (или – первая ветвь), таким образом, объединяет девять списков: Орешацкий амулет (ПопКр), ИерП2, СПД4, ХГА2, НБКМ273, Хаш281, НБС454, НАЗУ140, Павл2. Т. А. Агапкина указала на близость текста Орешацкого заговора к НБС454 (первая четверть XVIII в.): *клехъ се н рехохъ тако мн <...> мншнцѣ внсоке* (Агапкина 2017: 382–383) – однако число схождений с источниками первой группы (в т.ч. с НБС454) не ограничивается процитированным фрагментом.

Приступим к последовательному анализу текста амулета. Первая фраза – *Глагола же вѣ<шт>ица* – содержит частицу *же*, которая как будто указывает на наличие каких-то предшествующих слов, урезанных в рассматриваемом тексте. Было бы, однако, неверно заключить на этом основании, что непосредственным источником Орешацкого амулета послужил текст, в котором имелся начальный эпизод встречи святого с вештицей. Т. А. Агапкина замечает, что „при наличии эпизода встречи (группы В и С) вештица¹⁰ „вѣща“ или „рече“ святому; при его отсутствии (группа А) – вештица „глаголаше“ (Агапкина 2017: 436). Можно предположить, что появление текста с усеченным началом (подредакция А, согласно изданию) располагало к употреблению именно формы имперфекта, вводящей долгий рассказ вештицы. Не находящее параллелей уникальное чтение *глагола же* Орешацкого амулета следует на этом фоне объяснять как искажение имперфекта *глаголаше*. С точностью до этой замены начало текста в нашем амулете совпадает с НБС454: *глаголаше вѣшнцѣ*.

Сочетание *дрѣвѣ плодѣвнѣ*, если трактовать его как стоящее в дательном падеже, может толковаться тремя способами. Оно может представлять собой: 1) прямое дополнение при глагола, называя адресата слов вештицы; 2) законченный ответ вештицы на вопрос, кому она наносит вред (если мы допускаем, что этот вопрос читался в опущенном начале текста); 3) инципит более пространной речи, произносимой вештицей. Первая интерпретация выглядит малоосмысленной, вторая заставляет реконструировать ad hoc не

---

¹⁰ Специально о вештице см. Виноградова, Толстая 1995.

засвидетельствованную рукописями структуру текста. Наиболее вероятной представляется третья версия. В трех неповрежденных южнославянских списках Сисиниевой молитвы, относящихся к группе А, рассматриваемое сочетание или его соответствия читаются в начале прямой речи вештицы и стоят в аккумулятиве, называя объект ее вредоносной активности (см. табл. 4):

Таблица 4. Реплика вештицы о деревьях по рукописным спискам

НБС454	Павл2	СПД4
азь дрѣво пѣплодоовнто ¹¹ [вм. плодоовнто] нскореневаю юнсть женьскю свежѣ н ненавн(с)ть на(д)вн(г)нѣ н прнблнжѣ се н вахождѣ къ чловека...	азь дрѣво плодоносное нзкореноваю н юность женску свежемѣ н ненавнстѣ воздаемѣ н прнблнжѣ се н внндѣ ч[ѣ]л[о]в[ѣ]кѣ в[ѣ] домѣ...	азь дѣубнѣ нс корѣнѣ нземлю н юность женамѣ прохож(д)ю...

По всей вероятности, местоимение *азь* в начале слов вештицы читалось и в антиграфе амулета, но было опущено писцом, одновременно заменившим *дрѣво плодоовнто* на *дрѣво плодоовнто*, то есть сделавшим древо объектом речи вештицы¹². Иначе говоря, в оригинале фраза должна была иметь вид: „азь дрѣво плодовито...“. Продолжение речи подразумевалось известным и воспроизведено не было. Отсутствие местоимения *азь*, отличающее эту версию от приведенных выше параллелей, может объясняться обычным пропуском. Но допустимо также предположить, что в протографе это слово было обозначено буквой *а* под титлом (или в точках), читавшейся как ее азбучное название: „а. (=азь) дрѣво плодовито...“. Не распознав этого графического приема (засвидетельствованного в славянской книжности с XI в. (см. Гиппиус, Михеев 2020: 81–83), писец амулета мог пропустить букву, спутав ее с предыдущим *а*. Как мы увидим далее, тот же прием в оригинале амулета мог быть использован и в заключительной фразе.

Далее следует фраза *И рече Михаилъ арх<и>трагитъ*. Лексема *архистрагитъ* записана с упрощением консонантной группы *стр* → *тр*.

Реплика архангела выглядит так: *ащемннепов^ннменѣснненмамѣтѣпостнтн*. Если в начале этого высказывания опознаются слова *А<шт>е ми не*, а в конце – *не имамѣ т<а> н<оу>стити*, то отрезок *пов^ннменѣсн* требует ком-

¹¹ Буква *ѣ* недописана.

¹² В принципе можно допустить, что в оригинале сочетание в дательном падеже зависело от формы номинатива, однородной с *вѣштица*, например: * *Азь есмь дрѣвоу плодовитоу изгоубительница* (ср. с испорченными, но тем не менее узнаваемыми сочетаниями в рукописных заговорах: *плодѣ чѣловнчѣскому нзгубнннца* (Брат). Это допущение, однако, излишне усложняет объяснение.

ментария. На наш взгляд, здесь представлено начало презентной формы 2 л. ед. глагола повѣдѣти и форма Р. ед. от лексемы нма с опiskой в окончании, то есть мы имеем дело с фразой *Аще ми не повѣ[си] имен<e> си, не имамъ т<а> н<оу>стити* ‘Если ты мне не скажешь (букв. *не поведаетшь*) своего имени, не отпущу тебя’. Пропустив вторую половину слова *повѣси*, автор надписи затем дописал над строкой только первую из пропущенных им букв. Букву ѣ, незаконно выступающую в окончании слова нменѣ вместо е (или ѣ, если предполагать форму Р. мн.), можно объяснить „повтором“ той самой недописанной второй половины предыдущего слова: * *повѣси* *имене си* → повѣ нменѣ сн. Реконструируемая нами фраза построена грамматически верно (ср., например: не поущю тебе аще мн не повѣсн себе кто ты есн в сборнике поучений XIV/XV вв. из Троицкого собрания (№ 9, л. 206), см. (СДРЯ, 6: 479) и, как будет видно далее, полностью соответствует сюжету Сисиниевой легенды.

В главной части сложноподчиненного предложения *имамъ постити* – это сложное будущее время. В целом, слова архангела в Орешацком заговоре весьма близки Хаш281: н рѣ(ѣ) ен архаггга мнхан(л) н[е н]ма(м) поуствити. аще мн са не клѣн[ешн] н повѣж(д)н мн рѣдѣ своемѣ. н нме[не] – что убеждает в реалистичности предлагаемой интерпретации.

Далее идет фраза *И кл[а]х<ъ>с<а> ю<мо>у и рече {ми}* ‘И [я] поклялась ему и [ты / он / она] сказал/-ла’, с бросающимся в глаза аграмматизмом: аорист от глагола *клатиса* выступает в форме 1 л. ед., а аорист от *решти* – в форме 2/3 л. ед. Употребление здесь формы 1 л. находит поддержку в рукописной традиции, ср. *клехъсе* н *рекохъ* (НБС454, см. более полную цитату ниже). Нельзя не заметить, что грамматический сбой в амулете соседствует с лишним слогом мн после словоформы *рече*. На наш взгляд, обе ошибки сходны по своей природе с опiskой в разобранный выше форме нменѣ (вместо *имене*): написав н *кахъсѣ* емо н рѣ, автор надписи вместо исхода словоформы *рекохъ* стал записывать продолжение написанной выше фразы *И рече Михаилъ архитратигъ*; он осознал это, написав слог мн, но не стал исправлять получившуюся ошибку. Добавим, что форма *кахъсѣ* записана с пропуском ударного корневого гласного.

Финальный ответ вештицы состоит из двух частей: клятвы и имен вештицы.

Являясь центром молитвы, клятва вештицы зафиксирована практически всеми списками – приведем ее текст по НБС454: н клехъ се н рекохъ тако мн престола вншнаго н мншнце внсоке јако не слажѣ ти на истннѣ ти кажѣ нже можеть ѹловекъ нме мое рнпнсатн азъ не нмамъ ва домъ ваннтн ка рабѣ божнемѣ ‘И я поклялась и сказала: „Клянусь престолом вышним и силою вышнею, что я тебе не солгу, но скажу тебе истину: тот человек, который сможет

[имя мое] переписать, в дом к [тому] рабу Божиему я войти не смогу“¹³. На амулете из Орешака читаем: тако мн мн мышнѣ въсокѣж (последнее слово исправлено из въсокѣ). Второе мн здесь, вероятно, повторено по ошибке. Словосочетание *мышь высокая* – дословный перевод греч. βραχίων ὑψηλός, букв. ‘мышца высокая’, выражения, использующегося уже в Ветхом Завете по отношению к руке Бога. В нашем тексте слова мышнѣ и въсокѣж – если трактовать последнее как <высокая>, что является графически единственной возможной интерпретацией, – стоят в разных падежах. Учитывая вставной характер диграфа ѣ между к и ж (см. выше), следует думать, что при исправлении писец вписал между к и ж только что дважды написанный им диграф, изменив неверную краткую форму В. ед. *высокѣ* на иную, также неверную членную форму Р. ед. *высокая*, вместо ожидаемого Тв. ед. *высокоу*. Если словосочетание *мышь высокая* верно прочитано в Орешацком заговоре, то перед нами гапакс: бессуфиксальная лексема *мышь* известна старославянским памятникам лишь в значении ‘мышь (лат. mus)’, в то время как значение ‘рука, плечо, мышца’, по словарным данным, имеет только суффиксальное производное *мышца* (SJS 2: 250). Судя по всему, клятву вештицы следует трактовать следующим образом: *Тако ми {ми} мышнѣж въсок<о>ѣж* ‘Клянусь Божией рукой (букв. *так мне высокой мышцей*)’. По-видимому, перед нами инципит клятвы, в которой объект клятвы выражен творительным падежом. Формы родительного падежа *престола* *вншнаго* и *мышнѣ* *вскоу* в рукописных версиях следует, вероятно, трактовать как *genetivus exclamationis* (ср. в записи древнерусского писца: *ихъ мнѣ лихого сего попириа* (СДРЯ 7: 193). Заменяя его на творительный падеж, писец мог исходить из модели управления глагола *клатиса*, воспринимая сочетание *тако ми* как эквивалент слова *кльнѣса*.

Текст заговора завершается малопонятным, на первый взгляд, отрезком *авѣцнцѣавъбанмъ-овнзюа*. *Овизюа* – морфологически освоенное по *a*-склонению имя *Ἀβυζοῦ*, которое регулярно встречается в греческих списках Сисиниевой легенды и единожды в славянской традиции: *азъ архѣгль мнѣх[нѣ] ходн(х) по горѣ еленостѣн н вѣрѣт[охъ] вѣцнцѣ нменн(м) авнзюа* (Хаш281). Последовательность *овъбанмъ* в самом конце основного текста амулета, несомненно, является результатом сокращения: автор надписи постарался уместить текст в строку и подверг последнее слово основной части текста амулета самому радикальному сжатию. Учитывая невозможность начального сочетания *воб-* в древнеболгарском, а также тенденцию к нумерации списка имен вештицы в рукописных вариантах Сисиниевой легенды, где под первым номером часто выступает собственно

¹³ Перевод Т. А. Агапкиной (Агапкина 2017: 431), с добавлением квадратных скобок, в которые помещены слова, восстановленные Т. А. Агапкиной по смыслу.

имя *Вѣштица* (Агапкина 2017: 429–434), в буквах л и в по обеим сторонам от слова *вѣштица* и в первом знаке приписки соблазнительно видеть числительные: ‘1 Вештица, 2 обьванмь, [3] Овизоя’. Загадочное обьванмь, видимо, воспринятое писцом амулета как второе имя вештицы, возможно истолковать как искаженную и сокращенную форму Тв. ед. обьзваннемь <обьзваниемь> (пропуск з перед в мог быть обусловлен наличием у двух букв общих элементов). В этом случае первоначальный вид фразы может быть реконструирован следующим образом: * л. вѣштнца обьзваннемь овнзоя ‘Я – вештица по прозванию Овизоя’, с таким же чтением буквы л как ее азбучного названия „азь“, какое выше мы допустили, реконструируя исходный вид начала речи вештицы. В рукописной традиции заговора эта реконструкция находит двоякую поддержку. Ср., с одной стороны, уже процитированное чтение вѣщнцъ нменн(м) авнзюю (Хаш281), а с другой: азъ кесмь вѣщнца нарѣк(о)ма дннвооль (СПДЗ). Восприняв начальное л как цифру ‘1’ и не поняв слова *обьзваниемь*, которое могло быть записано сокращенно уже в антиграфе амулета, писец мог ошибочно пронумеровать его как второе имя вештицы, а имя *Овизоя* – как третье.

Предлагаемое нами чтение надписи на амулете с разделением на слова представлено в табл. 5, а в табл. 6 дан ее грамматический разбор.

Таблица 5. Новое чтение надписи на амулете из Орешака с делением на слова

Recto	Verso
глагола же вѣщнца дрѣвѣ плодѣ внтѣ н рече мнханль дрѣтратнѣ гь аще мн не повѣ нменѣ сн не нѣ	мамъ тѣ постнтн н кахъсѣ емо н рече мн тако мн мн мьшнѣ вѣсокѣѣ л вѣщнца вобьванмь
[Г] овнзоя	

Таблица 6. Грамматический разбор надписи на амулете из Орешака¹⁴

Словоформа	Нормализация	Лексема	Грамматическая характеристика
глагола	глагола	глаголати	Аор., 2–3. sg.
же	же	же	(Particulum)
вѣщнца	вѣштица	вѣштица	Nom. sing.
дрѣвѣ	дрѣвоу	дрѣво	Dat. sg.

¹⁴ Исправленные чтения помещены в угловые скобки, восполненные пропуски – в квадратные скобки.

плоДОВНТЪ	плодовитоу	плодовить	Dat. sg., neut.
и	и	и	(Conj.)
рече	рече	решти	Aor., 3. sg.
мнханлъ	михаиль	Михаиль	Nom. sg.
архитратигъ	архи[с]тратигъ	архистратигъ	Nom. sg.
аше	аште	аште	(Conj.)
ми	ми	азъ	Dat.
не	не	не	(Particulum neg.)
повъ	повъ[си]	повъдѣти	Praes., 2. sg.
именѣ	имен<с>	има	Gen. sg.
си	си	себе	Dat.
не	не	не	(Particulum neg.)
имамъ	имамъ	имѣти	Praes., 1. sg.
тѣ	та	ты	Acc.
поустити	поустити	поустити	Inf.
и	и	и	(Conj.)
клатисѣ	клатисѣ	клатисѣ	Aor., 1. sg.
емо	емоу	*јъ	Dat.
и	и	и	(Conj.)
рече	рече	решти	Aor., 2–3. sg.
ми	—		
тако	тако	тако	(Adv.)
ми	ми	азъ	Dat.
ми	—		
мышь	мышь	мышь	Instr. sg.
высокѣ	высок<о>ѣ	высокѣи	Instr. sg. fem.
а	а		[цифра]
вѣшница	вѣшница	вѣшница	Nom. sg.
в	в		[цифра]
объвань	объ[зъ]ван[иѣ]мъ	объзваніѣ	Instr. sg.
[г]	г		[цифра]
овизоѣ	овизоѣ	овизоѣ	Nom. sg.

С исправлением явных ошибок и графической нормализацией текст может быть представлен следующим образом: „Глагола же вѣштица: „Дрѣвоу плодовиѣ“. И рече Михаилъ архитратигъ: „Аште ми не повѣ[си] именъ<ъ> си, не имамъ та поустити“. И кл[а]хъса ѹмо и ре<кохъ>: „Тако ми {ми} мѣшиѣ высок<о>ѣж. 1. Вѣштица, 2. обѣванмь, 3. Овизоѣ“¹⁵. Перевод: ‘Сказала же вештица: „Древу плодовиѣму...“. И сказал архитратиг Михаил: „Если ты мне не скажешь своего имени, я тебя не отпущу“. И я поклялась ему и сказала: „Клянусь Божией рукой (букв. *так мне высокой мышцей*). 1-ое [имя] Вештица, 2-ое обѣванмь, 3-е Овизоѣ“.

В реконструированном виде, какой он мог иметь в предполагаемом протографе, текст надписи может быть представлен следующим образом: „Глаголаше вѣштица: „А<зъ> дрѣво плодовиѣ <...>“. И рече Михаилъ архитратигъ: „Аште ми не повѣси имене си, не имамъ та поустити“. И кл[а]хъса ѹмоу и рекохъ: „Тако ми мѣшиѣ високоѣж <...> А<зъ> вѣштица обѣзваниѣмъ Овизоѣ“. Перевод: ‘Говорила вештица: „Я древо плодовиѣтое <...>“. И сказал архитратиг Михаил: „Если ты мне не сообщишь своего имени, не отпущу тебя“. И я поклялась ему: „Клянусь Божией рукой <...> Я – вештица, по прозванию Овизоѣ“.

Реконструированный текст обладает сложной коммуникативной структурой. За исключением начальных слов *Глаголаше вѣштица* он представляет собой прямую речь вештицы, ее рассказ о встрече с архангелом Михаилом. В этот рассказ включен диалог с архангелом, в котором реплики архангела и демоницы даны от 1-го лица. Таким образом, формы 1-го лица, относящиеся к вештице, принадлежат разным планам повествования. Еще одна сложность состоит в том, что рассказ вештицы передан конспективно, с двумя, очевидно, преднамеренными, пропусками. О том, что текст на амулете фиксирует краткое изложение другого, более раннего и полного текста, ранее писала Т. А. Агапкина (2017: 382) – и с этим утверждением нельзя не согласиться. Важно, однако, что эти сокращения имелись уже в антиграфе Орешацкого амулета. По-видимому, именно они стали причиной дополнительных искажений, допущенных его писцом, который, по-видимому, не очень хорошо понимал переписываемый текст и пытался осмыслить его по-своему. Сами же сокращения, вероятно, были сделаны как раз в расчете на знание текста, который в полной форме мог распространяться изустно. Судя по греческой и славянской традициям, закрепление на письме являлось важным условием действенности молитвы. Но важна была именно письменная фиксация, а не связность написанного текста, который в случае с амулетом, свернутым в трубочку, едва ли вообще был предназначен для

---

¹⁵ Лишние буквы, написанные по ошибке, заключены в фигурные скобки.

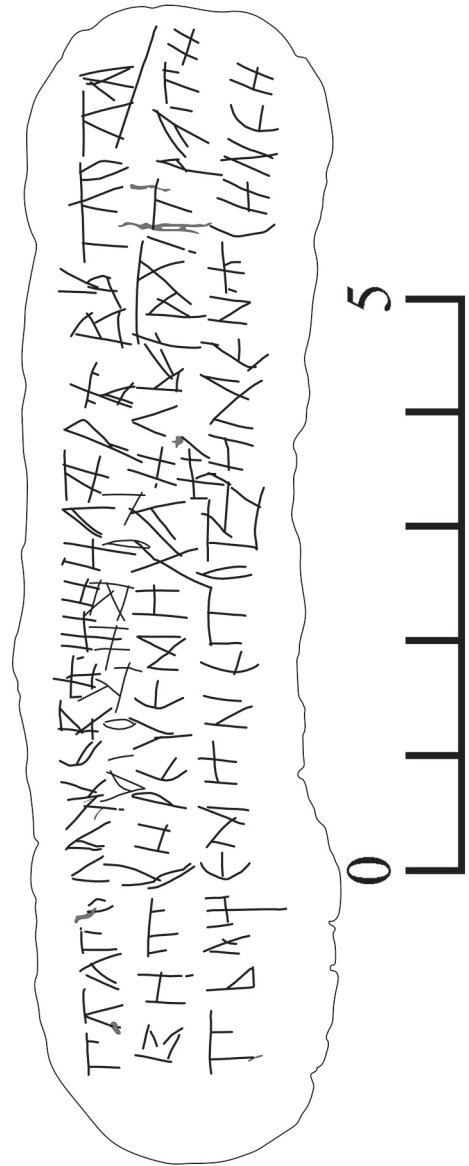
чтения. Если же амулет читали, записанные опорные фрагменты должны были срабатывать как инципиты, вызывая в памяти полный вид текста, параллельно бытовавшего в устной форме. Такая гибридная форма существования текста могла базироваться, однако, только на его полной записи. В том же, что текст изначально возник в рукописной среде, не приходится сомневаться, так как молитва против вештицы имеет переводной характер и восходит к греческой книжности.

Проведенный анализ текста Орешацкого амулета и реконструкция его протографа существенны для изучения славянской рукописной традиции Сисиниевой легенды. В частности, он подтверждает принадлежность амулета группе А списков Михаил-типа – при том что сама эта группа, несмотря на ее свидетельствуемую таким образом глубокую древность, должна рассматриваться как результат усечения более полного текста, общая композиция которого лучше сохранена другими ветвями традиции. Чрезвычайно важно и наличие в амулете имени вештицы *Овизоя*, связывающего его с греческой традицией Сисиниевой легенды, а из славянских списков только с Хаш281.

Амулет исключительно важен и в следующем отношении. Большинство списков Сисиниевой легенды, как отмечает Т. А. Агапкина, обнаружены в рукописях, связанных по происхождению с территориями Черногории, Хорватии, Боснии, Герцеговины и Воеводины – вне этой зоны находятся лишь наш амулет и список Хаш284, созданный в румыноязычной среде (Агапкина 2017: 375). Этой удивительной закономерности, подчеркивает исследовательница, в настоящее время нет объяснения – так же, как и в случае апокрифического Сказания о 12 пятницах, распространенного преимущественно в западнобалканской традиции. Орешацкий амулет же, связанный с Болгарией не только по месту обнаружения, но и по своему происхождению, и не содержащий никаких сербизмов в языке, занимает совершенно особенное положение в истории текста¹⁶.

---

¹⁶ В этой связи следует упомянуть еще об одном предположении касательно происхождения славянской версии Сисиниевой легенды – возможном авторстве болгарского попа Иеремии (благодарим анонимных рецензентов за указание). Обзор точек зрения на данную проблему, до сих пор не решенную в научной литературе, см.: Агапкина 2017: 376–381; Топорков 2017: 553–555, 635–646; Турилов 2009.

Илл. 1. Фотография и прорись лицевой стороны амулета.
 Фотография А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, прорись С. М. Михеева

ИСТОЧНИКИ

- Брат Местонахождение не известно, 1843 г., 37 л. Цит. по изд.: Братић 1908.
- ИерП2 Библиотека Иерусалимского патриархата (Иерусалим, Израиль), Slavonic 19, палимпсест XII в., верхний текст – XIII в., л. 43. Цит. по изд.: Иванова 1994.
- НБКМ273 Национальная библиотека святых Кирилла и Мефодия (София, Болгария), № 273 (297), XVII в., лл. 50а–52а.
- НБС454 Национальная библиотека Сербии (Белград, Сербия), № 454, первая четв. XVIII в., лл. 45–47.
- Павл2 Этнографический музей Белграда (Белград, Сербия), № 10172, ок. XVIII в. Цит. по изд. Павловић 1953.
- ПопКр Варненский археологический музей (Варна, Болгария), инв. № IV 3521, кон. X – нач. XI в.
- СПД3 Национальная библиотека Сербии (Белград, Сербия), № 651, 2 пол. XIII в. (не ранее 1259 г.), лл. 57b–58b.
- СПД4 Национальная библиотека Сербии (Белград, Сербия), № 651, 3 четв. XIII в. (не ранее 1259 г.), лл. 58b–60а.
- Хаш281 Библиотека Румынской академии (Бухарест, Румыния), Ms. rom. 447, XVI–XVII вв., лл. 123–124об.
- ХГА2 Ватиканская апостольская библиотека (Ватикан), Vat. slav. 11, кон. XIV – нач. XV вв.
- HAZU140 Архив Хорватской академии наук и искусств (Загреб, Хорватия), I b 140, кон. XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина 2017 А г а п к и н а, Т. А. *Сисиниева молитва у южных славян*. – В: Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Москва, 2017, с. 373–506 [Agarkina, T. A. *Sisinieva molitva u iuzhnykh slavian*. – V: *Sisinieva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiiakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoi Evropy*. Moskva, 2017, s. 373–506].
- Братић 1908 Б р а т и ћ, Т. А. *Народно лијечење: Из времена једне лекаруше из 1843. године*. – В: Гласник Земалског музеја Босне и Херцеговине у Сарајеву. Т. 20. Сарајево, 1908, с. 343–362 [Bratić, T. A. *Narodno liječenje: Iz vremena jedne ljeکارuše iz 1843. godine* – V: *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu*. Т. 20. Sarajevo, 1908, s. 343–362].
- Вайан 1952 В а й а н, А. *Руководство по старославянскому языку*. Москва, 1952 [Vaillant, A. *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*. Moskva, 1952].

- Виноградова, Толстая 1995 В и н о г р а д о в а, Л. М., С. М. Т о л с т а я. *Вештица*. – В: Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1 (А (Август)–Г (Гусь)). Москва, 1995, с. 367–368 [Vinogradova, L. M., S. M. Tolstaya. *Veshitsa*. – V: Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskiĭ slovar'. T. 1 (A (Avgust) – G (Gus')). Moskva, 1995, s. 367–368].
- Гиппиус, Михеев 2020 Г и п п и у с, А. А., С. М. М и х е е в. *К прочтению записей Архангельского Евангелия 1092 г.* – Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 80 (2020), № 2, с. 78–97 [Gippius, A. A., S. M. Miheev. *K prochteniiu zapiseĭ Arkhangel'skogo Evangeliiia 1092 g.* – Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki, 80 (2020), № 2, s. 78–97].
- Дончева, Попконстантинов 1994 Д о н ч е в а, Л., К. П о п к о н с т а н т и н о в. *Апокрифна молитва от X–XI в. върху оловен амулет от с. Одърци, Толбухинско*. – В: Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов. София, 1994, с. 288–292 [Doncheva, L., K. Popkonstantinov. *Apokrifna molitva ot X–XI v. varhu oloven amulet ot s. Odartsi, Tolbuhinsko*. – V: Sbornik v chest na akad. Dimitar Angelov. Sofia, 1994, s. 288–292].
- Зализняк 1999 З а л и з н я к, А. А. *О древнейших кириллических абецедариях*. – В: Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию В. В. Иванова. Москва, 1999, с. 543–576 [Zalizniak, A. A. *O drevneĭshikh kirillicheskikh abetsedariiah*. – V: Poetika. Istoriia literatury. Lingvistika. Sbornik k 70-letiiu V. V. Ivanova. Moskva, 1999, s. 543–576].
- Зализняк 2004 З а л и з н я к, А. А. *Древненовгородский диалект*. Москва, 2004 [Zalizniak, A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moskva, 2004].
- Иванова 1994 И в а н о в а, К. *За един ръкопис с палимпсест от библиотеката на Йерусалимската патриаршия* [Ivanova, K. *Za edin rakopis s palimpsest ot bibliotekata na Yerusalimskata patriarshia*]. – *Palaeobulgarica*, 18 (1994), № 2, с. 3–31.
- Кривко 2015 К р и в к о, Р. Н. *Очерки языка древних церковнославянских рукописей*. Москва, 2015 [Krivko, R. N. *Ocherki iazyka drevnikh tserkovnoslavianskikh rukopiseĭ*. Moskva, 2015].
- Кузьминова 2016 К у з ь м и н о в а, Е. А. *Мариинское Евангелие*. – В: Православная энциклопедия. Т. 43. Москва, 2016, с. 474–476 [Kuz'minova, E. A. *Mariinskoe Evangelie*. – V: Pravoslavnaia entsiklopediia. T. 43. Moskva, 2016, s. 474–476].
- Мострова 1995 М о с т р о в а, Т. *Мариинско евангелие*. – В: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. София, 1995, с. 617–625 [Mostrova, T. *Mariinsko evangelie*. – V: Kirilo-Metodievska entsiklopedia. T. 2. Sofia, 1995, s. 617–625].

- Павловић 1953   П а в л о в и ћ, Л. *Рукописни молитвеник Етнографског музеја у Београду*. – В: Гласник Етнографског музеја у Београду. Књ. 16. Београд, 1953, с. 144–162 [Pavlović, L. *Rukopisni molitvenik Etnografskog muzeja u Beogradu*. – V: *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*. Knj. 16. Beograd, 1953, s. 144–162].
- Попконстантинов 2002   П о п к о н с т а н т и н о в, К. *Оловен амулет с апокрифен текст от Варненския музей*. – В: Търновска книжовна школа. Т. 7. Търновската книжовна школа и християнската култура в Източна Европа. Седми международен симпозиум, Велико Търново, 8–10 октомври 1999 г. Велико Търново, 2002, с. 283–287 [Popkonstantinov, K. *Oloven amulet s apokrifen tekst ot Varnenskia muzey*. – V: *Tarnovska knizhovna shkola. T. 7. Tarnovskata knizhovna shkola i hristiyanskata kultura v Iztochna Evropa. Sedmi mezhdunaroden simpozium, Veliko Tarnovo, 8–10 oktombri 1999 g. Veliko Tarnovo, 2002, s. 283–287*].
- Попконстантинов 2006   П о п к о н с т а н т и н о в, К. *Нежитъ идѣше от чръмнаго морѣ*. – Българска филологическа медиевистика. Сборник. Научни изследвания в чест на проф. дфн Иван Харалампиев по случай 60-годишния му юбилей. Велико Търново, 2006, с. 99–108 [Popkonstantinov K. *Nezhitъ idѣshe ot chръmnago morѣ*. – *Balgarska filologicheska medievistika. Sbornik. Nauchni izsledvaniya v chest na prof. dfn Ivan Haralampiev po sluchay 60-godishnia mu yubiley. Veliko Tarnovo, 2006, s. 99–108*].
- Попконстантинов 2008   П о п к о н с т а н т и н о в, К. *За два оловни амулета от Х век от Варненския музей*. – В: Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на черноморското крайбрежие. Т. 7. Ч. 2. Варна, 2008, с. 301–313 [Popkonstantinov, K. *Za dva olovni amuleta ot X vek ot Varnenskia muzey*. – V: *Numizmaticхни, sfragisticхни i epigrafски prinosи kam istoriyata na chernomorskoto kraybrezhie. T. 7. Ch. 2. Varna, 2008, s. 301–313*].
- Попконстантинов 2009   П о п к о н с т а н т и н о в, К. *Заклинателни молитви върху оловни амулети от средновековна България и паралелите им в Требнице от средновековна Сърбия*. – В: Сборник радова Византолошког института. Т. 46. Београд, 2009, с. 341–350 [Popkonstantinov K. *Zaklinatelni molitvi varhu olovni amuleti ot srednovekovna Balgaria i paralelite im v Trebnitsi ot srednovekovna Sarbia*. – V: *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta. T. 46. Beograd, 2009, s. 341–350*].

- Попконстантинов, Миклас 2009 Попконстантинов, К., Х. Миклас. *Оловен амулет с глаголически текст*. – В: Средновековието в огледалото на един филолог. Сборник в чест на Светлина Николова (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 18). София, 2009, с. 385–398 [Popkonstantinov, K., H. Miklas. *Oloven amulet s glagolicheski tekst*. – V: *Srednovekovieto v ogledaloto na edin filolog. Sbornik v chest na Svetlina Nikolova* (= Kirilo-Methodievski studii. Kn. 18). Sofia, 2009, s. 385–398.]
- СДРЯ *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Т. 1–12–. Москва, 1988–2019– [Slovar' drevnerusskogo iazyka XI–XIV vv. T. 1–12–. Moskva, 1988–2019–].
- Супрун, Молдован 2005 С у п р у н, А. Е., А. М. М о л д о в а н. *Старославянский и церковнославянский язык*. – В: Языки мира. Славянские языки. Москва, 2005, с. 29–69 [Suprun, A. E., A. M. Moldovan. *Staroslavianskii i tserkovnoslavianskii iazyk*. – V: *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moskva, 2005, s. 29–69].
- Топорков 2017 Т о п о р к о в, А. Л. *Сисиниева легенда и заговоры от лихорадки у восточных славян*. – В: Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Москва, 2017, с. 553–688 [Toporkov, A. L. *Sisinieva legenda i zagovory ot likhoradki u vostochnykh slavian* – V: *Sisinieva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiiakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoi Evropy*. Moskva, 2017, s. 553–688].
- Турилов 2009 Т у р и л о в, А. А. *Иеремия*. – В: Православная энциклопедия. Т. 21. Москва, 2009, с. 287–289 [Turilov, A. A. *Ieremiia* – V: *Pravoslavnaia entsiklopediia*. T. 21. Moskva, 2009, s. 287–289].
- Popkonstantinov, Kronsteiner 1994 П о п к о н с т а н т и н о в, К., О. К р о н с т е и н е р. *Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften*. Bd. 1 (= Die slawischen Sprachen, 36). Salzburg, 1994.
- SJS *Словарь старославянского языка*. Репр. изд.: в 4 т. Санкт-Петербург, 2006 [Slovar' staroslavianskogo iazyka. Repr. izd.: v 4 t. Sankt-Peterburg, 2006].
- Veder 2016 V e d e r, W. R. *Rew.: Kazimir Popokonstantinov, Anna-Marija Totomanova. Epochata na bălgarskija car Samuil. Ezik i pismenost. Sofia: BAN 2014, 174 S. – Ricerche slavistiche, 14 (60) (2016), p. 550–560.*

(Summary)

The article is devoted to the earliest Slavic copy of the *Sisinnios legend* – an inscription on a lead amulet from Oreshak (North-eastern Bulgaria, Varna), which contains one of two types of plot, the so-called *Michael-type*. The authors analyze the graphic and orthographic features of the text and give a new reading and translation, as well as reconstruction of the protograph of the Oreshak amulet.

Keywords: Sisinnios legend; Oreshak amulet; South Slavic folklore; handwritten charm.

*Alina S. Alekseeva,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute – Russian Academy of Sciences
Institute of Slavic Studies – Russian Academy of Sciences
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Alexey A. Gippius,
National Research University Higher School of Economics
Savva M. Mikheev,
Institute of Slavic Studies – Russian Academy of Sciences
The School for Advanced Studies in the Humanities – The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration*